

О ЗАБЫТЫХ ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКАХ КРЫМА

М. И. Кумурджи

В 1840 г. в Керченский музей поступила плита из белого мрамора с надписью на греческом языке (рис. 1). Плита была извлечена с 9-метровой глубины севернее дер. Аджи-Мушкой (ныне дер. Партизаны),

Рис. 1. Мраморная плита с почитительной надписью в честь правителя Боспора Котиса I

расположенной в 5 км к северо-востоку от г. Керчь. Высота ее 33,3 см, ширина 60 см, толщина 17 см. Судя по форме, полагают, что плита в свое время была извлечена из своего первоначального места и использовалась некоторое время в качестве карниза какого-то здания [9]. Археологам часто приходится устанавливать, что различные памятники и плиты с надписями, служившие когда-то украшением площадей и храмов, а также надгробные плиты с изображениями увозились с первоначальных мест и использовались в качестве строительного материала при сооружении различных зданий, крепостных стен и т. п. [4, 11].

Поступившая в Керченский музей плита вызвала большой интерес. О находке на Керченском полуострове писали в России и за границей. Появился ряд переводов надписи на плите, сделанных на русском, французском, латинском и немецком языках. В связи с тем что надпись на плите несколько пострадала, толкования ее иногда были различными [16, 17, 18]. Так, например, А. Б. Ашик дает такой перевод на русском языке: «Мирмекс открыл великую силу этого источника, в то время как Котис, благочестивый сын Аспурга, наследовавший славу своего отечества и своих предков, властвовал также и над всеми Ахейцами» [3].

В толковании Е. Муральта на французском языке надпись гласит: «Известный Мирмекс открыл источник, качества которого были испытаны Котисом, сыном Аспурга, и провозглашены целительными» [21].

Стефани прочел на плите следующее: «Отличные же качества источника открыл Агаклея, в то время когда сын Аспурга, благочестивый Котис, страны и предков наследственную славу возвысил и владел всеми правителями Ахайскими» [9].

Наиболее удачным считается перевод В. Латышева: «Эту изобильную влагу источника открыла доблесть Аспургова сына, благочестивого Котиса, возвысившего старинную славу земли и предков и владеющего всеми скипетрами Инахейцев» [19].

Смысл всех переводов в основном сводится к тому, что в первой половине нашей эры где-то на севере Керченского полуострова, во времена правления на Боспоре царя Котиса I (42—69 гг. н. э.), был открыт целительный источник [10].

Открытие источника в безводном Керченском районе, где почти единственной возможностью водоснабжения являлись атмосферные осадки (собираемые в прудах, цементированных бассейнах и цистернах), было большим событием [15]. Греки, как и вообще восточные народы, считали воду «даром божьим», вода же «целительная» вызвала особый интерес — греки уделяли много внимания вопросам врачевания.

Археологи предполагают, что открытие источника сопровождалось специальными торжествами, а самому правителю Боспора Котису I была поставлена эта плита с посвятельной надписью [11].

Е. Люценко, производивший раскопки на Керченском полуострове в середине прошлого столетия, плиты этой не видел, но о содержании надписи знал по переводам А. Ашика и Е. Муральта. Перед войной 1856 г. плита была вывезена из Керченского музея в Эрмитаж, где и хранится в настоящее время.

Обнаружив в 1872 г. в районе находки плиты древний колодец и тщательно обследовав его, Е. Люценко пришел к выводу, что мраморная плита с надписью принадлежала этому колодцу, имеющему интересное и необычное устройство. Это предположение подтверждала находка второй плиты, обнаруженной в районе колодца в 1870 г. По заключению археологов, она когда-то была пьедесталом статуи Асклепия (древнегреческого бога врачебного искусства). На плите есть надпись на греческом языке: «Богу Асклепию, спасителю и благодетелю, трапезу поставил Стратодим Минестратов». Высота плиты 92 см, ширина 39 см, толщина 17 см [12, 13]. Оригинальное устройство колодца с примыкавшей к нему подземной галереей и надписи на двух мраморных плитах, обнаруженных в том же районе, привели Е. Люценко к заключению, что колодец, открытый во времена Боспорского царя Котиса I, использовался с лечебными целями.

Ученые, исследователи и путешественники, посетившие Крым до Е. Люценко, давали подробное физико-географическое описание нового края, сопровождали эти описания рисунками, чертежами и планами

с указанием на интересные объекты и археологические находки, но никто не упоминал об этом колодце.

«Странно, — писал Е. Люценко, — что никто из археологов, ни даже Дюбрукс, исходивший с посохом и аршином весь Керченский полуостров и описавший едва заметные следы бывших здесь греческих древних поселений и другие достопримечательности, ни единым словом не упомянул об этом колодце, лежащем в 8 км от города Керчь» [11]. Точное местоположение колодца, его подробное описание с замерах надземных и подземных сооружений и чертеж к нему впервые даны в рукописи Е. Люценко в 1876 г. [11]. Отчет Е. Люценко не был опубликован, и только в 1932 г. археологи Н. Репников и Ф. Шмит обнаружили эту рукопись в архиве Института истории материальной культуры и напечатали извлечения из нее [14].

В 1935 г. археологическая экспедиция под руководством В. Гайдукевича [6, 7] произвела поиски этого источника на месте и уточнила его местоположение, но подземные сооружения обследовать не удалось, так как во время гражданской войны колодец был завален камнями. Жители деревни Аджигушки после окончания гражданской войны расчистили колодец, но галерея осталась заваленной. Водой колодца пользуются и сейчас и она считается лучшей в районе.

В 1950 г. гидрогеолог С. Альбов спускался на канате в подземную галерею через отдушину, заканчивающуюся колодцем на дне галереи, и видел два рядом расположенных водоема. Первый, более близкий к галерее, содержит хорошую пресную воду. Второй, меньших размеров и, по-видимому, содержащий когда-то минеральную воду, разрушен и завален камнями, что не дало возможности взять из него пробу для анализа [1, 2].

Единственное обстоятельное описание колодца встречается только у Е. Люценко, по которому характеристика колодца представляется в следующем виде (рис. 2).

Надземная часть колодца диаметром 1,1 м, высеченного в скале, сложена из каменных плит. На глубине около 9 м колодец сильно расширялся и образовывал водоем, разделенный поперечной стенкой на две неравные части. Едва заметное течение воды в колодце отмечалось с северо-запада на юго-восток. Вода, по словам местных жителей, счита-

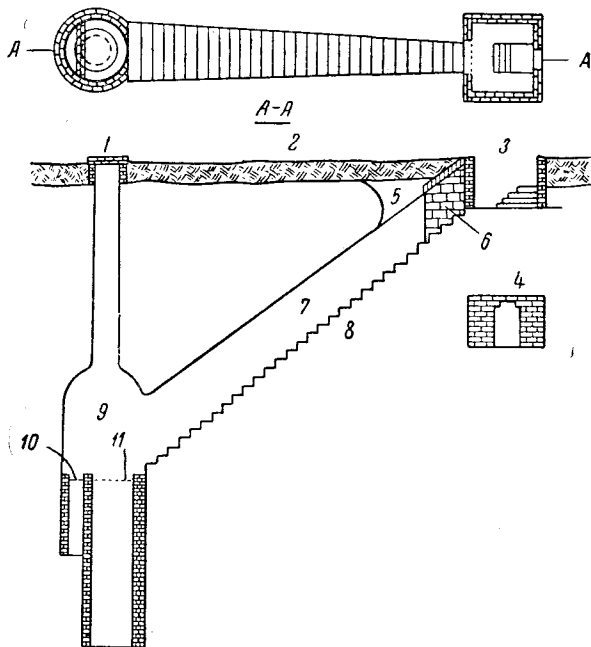
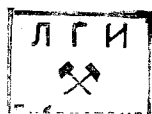

Рис. 2. План и разрез колодца в районе дер. Партизаны:

1 — колодец; 2 — земляная насыпь; 3 — каменная пристройка; 4 — вход в галерею; 5 — рыхлый известняк; 6 — начало галереи, одетое камнем; 7 — галерея с 30 ступенями; 8 — пласт твердой породы; 9 — круглая камера; 10 — первый бассейн; 11 — второй бассейн

лась лучшей в районе. Уровень в колодце сохранялся постоянным. В 14,22 м к северу от колодца имелось почти квадратное углубление, облицованное тесаными камнями. Длина углубления 2,66 м, ширина 2,44 м, глубина 1,86 м. От постройки, которая когда-то здесь существовала, сохранилось только несколько плитовых ступенек. В южной стене постройки находился вход в подземную галерею высотой 1,82 м, шириной 1 м.

Подземная галерея была вырублена в крепком железистом песчанике. Постепенно расширяясь в ширину и высоту, она под углом 45° спускалась к самой воде водоема, образуя над ним почти овальную камеру. По длине подземной галереи (длиной 15,64 м) в скале высечены 30 ступеней.

Лаборатория Новороссийского университета, куда Е. Люценко послал воду для анализа, указала, что «вода содержит в себе щелочь и угольную кислоту». Воды было послано недостаточно, поэтому полного анализа не было произведено. На основании этого заключения и личного опробования Е. Люценко пришел к выводу, что вода источника необыкновенна, обладает качествами воды «Нарзан», чрезвычайно приятна на вкус и смягчена присутствием углекислого газа.

Чтобы непосредственно черпать воду из водоема, а не поднимать ее из колодца, была сооружена подземная галерея. Е. Люценко полагал, что в подземной галерее, возможно, находились специальные приспособления для больных. Все это было разрушено владельцем земли, на которой находился колодец. В поисках клада им были уничтожены все приспособления в водоеме и повреждены ступеньки. Расширив район поисков на участке, Е. Люценко обнаружил только фундаменты каких-то зданий, архитектурные украшения из мягкого и крепкого известняка и черепки глиняных амфор. Эти находки подтвердили предположение археологов о том, что в районе колодца располагалось когда-то древнее поселение, возможно античный курорт [11, 14].

Минеральный источник, открытый и каптированный еще в первом веке н. э., обнаруженный Е. Люценко в 70-х годах прошлого столетия, заслуживает внимания как древний архитектурный памятник и должен быть тщательно изучен в гидрогеологическом отношении. «Это циклопическая постройка, — пишет Е. Люценко, — по своим размерам равная Царским и Мелек-Чесменским курганам, могла бы служить предметом любопытства приезжающих сюда путешественников, но для этого надо привести ее в порядок». Он указывает на необходимость исследования у колодца «...главного ключа, который доставляет ему воду; если окажется, что в него вливаются еще другие ключи неминерального качества, то крепко забить их камнями... Можно предполагать, что древние стенки, идущие ко дну водоема, были сделаны с этой целью и что ослабление главного минерального ключа произошло впоследствии оттого, что в некоторых местах они разрушились и дали приток пресной воде» [11].

Пресная вода колодца в настоящее время широко используется населением дер. Партизаны.

Архитектурным памятникам старины у нас в стране уделяется большое внимание. Этот древнейший из благоустроенных источников надо взять на учет как памятник античных времен и предохранить от дальнейшего разрушения. Колодец должен быть детально исследован, очищен и восстановлен во всех своих частях.

Археолог-любитель В. В. Веселов показал автору настоящей статьи сероводородный источник на западной окраине дер. Глазовка (в 4 км к востоку от дер. Партизаны) — у подошвы небольшого холма (рис. 3). Вода источника поступает непосредственно в древний колодец. Кладка

колодца, обломки глиняной посуды, выброшенной при расчистке, дали основание археологам предполагать, что этот источник, как и источник в дер. Партизаны, использовался с лечебными целями еще во времена Боспорского владычества.

В. В. Веселов [5] предполагает, что на холме с источником в основании когда-то располагался небольшой храм, служители которого занимались врачеванием. Если это предположение верно, то, возможно, мраморная плита, найденная на Темир-Горе, с посвяжительной надписью в честь бога Асклепия имела отношение к этому источнику.

В настоящее время колодец имеет прямоугольную форму с размером в поперечнике примерно 3×3 м; глубина его из-за неровностей по-

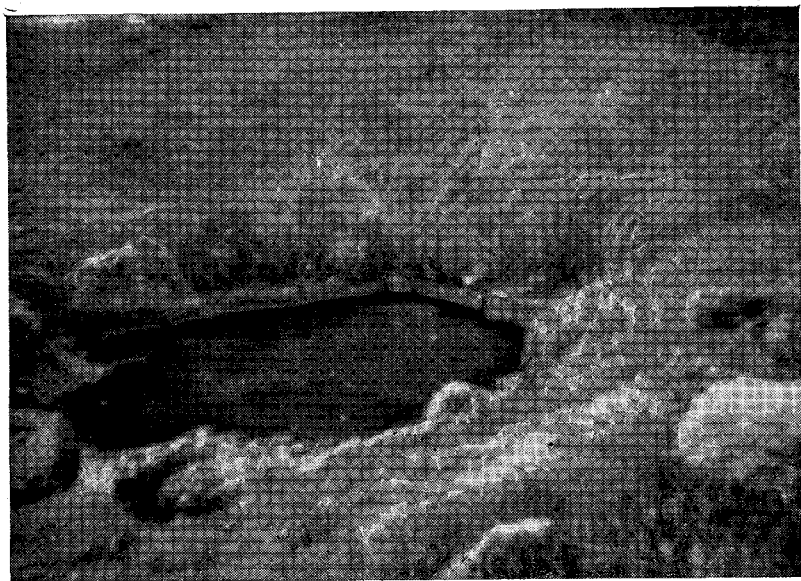

Рис. 3. Сероводородный источник в дер. Глазовка

верхности дна колеблется от 0,7 до 0,8 м, в зависимости от навала камней. Вода колодца прозрачная, температура у дна 19° . От источника идет сильный запах сероводорода.

Колодец долгие годы был засыпан, и вода из источника просачивалась в расположенное ниже небольшое углубление. В 1959 г. геолого-разведочная партия, производившая в этом районе бурение и нуждавшаяся в воде для технических целей, расчистила основной колодец, в который вода поступала непосредственно из источника. В настоящее время вода источника наполняет колодец. Изливаясь из колодца, она в виде небольшого ручейка поступает в углубление и затем вновь образует ручеек, по ходу которого рассасывается почвой, создавая заболоченное пространство. По словам В. В. Веселова, местные жители и сейчас пользуются минеральной водой из этого колодца для лечебных целей.

Этот источник, как и источник у дер. Партизаны, также заслуживает особого внимания как гидрогеологический памятник древнейших времен.

Эти два источника — не единственные древние гидрогеологические памятники района. При дальнейших исследованиях число их возрастет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбов С. В. Гидрогеология Крыма. Киев. АН УССР, 1956, стр. 179.
2. Альбов С. В. Древнейший каптаж минеральной углекислой воды в СССР. Изв. Крымского отд. геогр. об-ва, отд. вып., 1958, стр. 43—44.
3. Ашик А. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848, т. I, № 26, стр. 90.
4. Блаватский В. Д. Земледелие в Античных государствах Северного Причерноморья. Сб. «Причерноморье в Античную эпоху». Вып. 5. АН СССР, 1953, стр. 65.
5. Веселов В. В. Целебные источники и грязи на Керченском полуострове. Газета «Керченский Рабочий», 1959, 9 августа, № 156.
6. Гайдукевич В. Ф. Керченский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». Изд-во АН СССР, 1941, стр. 262—265.
7. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 170.
8. Гордеев Д. И. Основные этапы истории отечественной гидрогеологии. Тр. Лаборатории гидрогеол. проблем, т. VII, 1954, стр. 17.
9. Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа, т. III, Надпись XX, СПб., 1848, стр. 222.
10. Кёне Б. Описание Музеума князя В. В. Кочубея, т. II, Спб., 1857, стр. 217.
11. Люценко Е. Е. Минеральный источник в окрестностях Керчи, открытый по надписи на мраморной плите, относящийся к половине второго столетия после Р. X. Керчь, 12 августа 1876 г. Рукопись. Архив Ин-та истории материальной культуры.
12. Отчет Имп. археол. комиссии за 1872 г. Спб., 1875, стр. XXVI.
13. Отчет Имп. археол. комиссии за 1873 г. Спб., 1876, стр. 59.
14. Репников Н. И., Шмит Ф. И. Античный курорт в окрестностях Керчи. Сообщения Гос. акад. истории материальной культуры, 1932, № 5—6, стр. 67—68.
15. Шкрупил В., Ростовцев М. Эпиграмма из Эль-Тегеня. Изв. Имп. археол. комиссии, 1910, вып. 37, стр. 14—22.
16. Graefe Fr., Bull. de la classe Historico-Philologique de l'académie imperiale des sciences de st. Petersburg, v. I, 1844, p. 67.
17. Kaibel G. Epigrammata graeca, ex lapidibus conlecta. Berlin, 1878.
18. Keil K. Grichische Inchrift. Hallische Literatur-Zeitung, 1849, № 224, p. 640; № 225, p. 648.
19. Latyschew B. Inscriptions Regni Bosporani Graecae et Latinae, 1890, т. II, № 30, № 37.
20. Mannert G. Achai Pontii, v. IV, p. 372.
21. Muralt E. Memoires de la société d'archeologia et Numismatique de st. Petersburg, v. I, 1848, p. 277.